

живописи. Древние греки, изучив природу, свершили таким образом необходимый синтез, и, подражая античным скульптурам, можно скорее приблизиться к прекрасному, к идеальной красоте, чем если избрать путь подражания природе. Четкий рисунок, изящная линия, благородный контур — наиважнейший итог этого ученичества:

«Если бы подражание природе и могло дать художнику все, то он во всяком случае не мог бы у нее позаимствовать правильность контуров; ей можно научиться только у греков.

Благороднейший контур в греческих фигурах объединяет или очерчивает все части прекраснейшей природы и идеальной красоты; или, лучше сказать, он — высшее понятие в обеих».¹⁴

Более детально разработанное учение о красоте, занимающее в эстетике Винкельмана центральное место и столь важное для темы данной статьи, находим в его «Истории искусства древности». Объявляя красоту «высшей конечной целью и средоточием искусства» («Die Schönheit, als der höchste Entzweck und als der Mittelpunkt der Kunst»¹⁵), Винкельман настаивает на ее идеальной, божественной природе:¹⁶

«Бог есть высшая красота, и понятие о человеческой красоте будет тем совершеннее, чем более мы его мыслим соответствующим и совпадающим с высшим существом, которое отличается для нас от материи понятием единства и неделимости. Это понятие о красоте подобно духу, возникшему из материи, прошедшему через огонь и стремящемуся породить тварь, созданную по образу и подобию первого разумного существа, задуманного божественным разумом. Формы такого образа просты и непрерывны и в этом своем единстве многообразны, а вследствие этого и гармоничны».¹⁷

При создании красоты художнику открыто два пути — или изображать прекрасного индивидуума (найти безусловно прекрасного человека, по мнению Винкельмана, весьма затруднительно), или следовать идеальному представлению, выработанному в результате созерцания многих людей и произведений искусства:

«Образование красоты может быть *индивидуальным*, то есть направленным на единичное, или представлять собой подбор прекрасных частей, взятых у многих разных индивидуумов, и объединение их в единое целое, которое мы называем *идеальным*. Образование красоты началось с индивидуально прекрасного, как подражание какому-либо предмету, даже при изображении богов; мало того, в самый расцвет искусства богинь делали по образу и подобию прекрасных женщин, даже из тех, которые всем и за мзду расточали свое благоволение».¹⁸

¹⁴ Там же. С. 103.

¹⁵ *Winckelmann J. J. Geschichte der Kunst des Alterthums. Erster Teil. Dresden, 1764. S. 142.*

¹⁶ Именно поэтому Гёте видел в идеях Винкельмана своеобразную религиозность: «Ему мерещится своего рода самобытная религия, по которой, впрочем, Бог является первоисточником прекрасного и не имеет почти никаких иных отношений к человечеству» (*Гёте. Наброски к характеристике Винкельмана // Винкельман И. И. Избранные произведения и письма. С. 640*).

¹⁷ *Винкельман И. И. Избранные произведения и письма. С. 282.*

¹⁸ Там же. С. 284.